дом конкретном случае способен наполнять актуальный смысл слова дополнительными компонентами, которые не имеют формального выражения в словарных дефинициях.

Так, оттенки значения прилагательного «русский» находятся в непосредственной зависимости от стереотипных образов социокультурных реалий, названных определяемыми словами. Кроме того, определяемые слова задают предмет стереотипа (особенность национального характера, особенность явлений национальной культуры и др.). Регулярная сочетаемость прилагательного «русский» указывает на отражение в журналистском тексте ментальных клише (*русское наследие, русская культура, русская классика, русская литература, русская лирика, русская песня, русский фолк, русский шансон, русский рок* и др.), организующих контекст и вовлекающих в него образы-стереотипы, прецедентные имена и названия прецедентных текстов (*гоголевская «Шинель», «Бесы» Достоевского* и др.), соответствующие типичным представлениям о ценностях национальной культуры.

Таким образом, семантика прилагательного *русский* в языке современной газеты отражает взаимодействие двух явлений. Этнические автостереотипы задают направления и способы актуализации лексического значения в контексте, а контекст, в свою очередь, конкретизирует и обогащает семантику слова за счет других соположенных ему стереотипных единиц.

Литература

1. Большой психологический словарь / сост. и общ. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. – СПб., 2004.
2. *Красных, В.В.* Лингвокультурология и этнопсихолингвистика / В.В. Красных. – М., 2002.
3. *Кузнецова, Э.В.* Лексикология русского языка / Э.В. Кузнецова. – М., 1989.
4. *Михайлова, О.А.* Лексическое значение в свете альтернативных научных парадигм / О.А. Михайлова // Известия Уральского государственного университета. – 1999. – № 13. – С. 70 – 79.
5. *Ожегов, С.И.* Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю.Шведова. – М., 1999.
6. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – М., 1985 – 1988. – Т. 3. П – Р, 1987.
7. Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. – М., 2002.
8. *Стернин, И.А.* Лексическое значение слова в речи / И.А. Стернин. – Воронеж, 1985.
9. Толковый словарь русского языка: в 3 т. Т. 3 Р – Я / под ред. проф. Д.Н. Ушакова. – М., 1972.

УДК 821.521

Н.А. Завьялова

АНАЛИЗ АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТАМИ «ЗЕМЛЯ», «НЕБО» В РАМКАХ ДИСКУРСА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Публикация выполнена в ходе поисковой научно-исследовательской работы в рамках госконтракта № 14.740.11.0224 «Актуализация социально-гуманитарных исследований повседневности в процессе преподавания базовых гуманитарных дисциплин в техническом вузе»

В статье анализируются базовые прагматические функции, выполняемые английскими фразеологическими единицами с компонентами «земля» и «небо». Данные единицы рассматриваются как часть древнейшей пространственной метафоры, описывающей локус повседневности человека.

Фразеологическая единица, прагматическая функция, пространственная метафора, локус повседневности.

The paper focuses on pragmatic functions performed by English phraseological units with the components ‘land, earth’ and ‘sky’. These units are considered as a part of ancient metaphor of space, which describes the locus of day-to-day discourse.

Phraseological unit, pragmatic function, the spatial metaphor, the locus of everyday life.

Само по себе слово «*повседневность*» и его синонимы в русском и иностранных языках (обыденность, каждодневность, вседневность, будничность, alltäglichkeit (нем.), everyday (experience) (англ.)) наделены некоторым снижено-уничижительным статусом, в русской лингвокультуре принято говорить о «бытовухе», «презренном быте», здесь же уместно вспомнить выражение «лодка любви разбилась о быт». «С легкой руки Гегеля, они (синонимы повседневности) приобрели негативный, пренебрежительный оттенок, упростились до мнимой ясности. На первый план в их терминологическом обороте вышло производное, вторичное, с повышенной оценочной нагрузкой значение соответствующего слова, указывающее на то, что якобы «ничем не примечательно, буднично». Получается, что исключительно мелкому и сплошь рутинному, насквозь знакомому и смертельно надоевшему миру (точнее, мирку) повседневности однозначно противостоят какие-то гораздо более творческие, содержательные, интересные моменты жизни, сферы людского бытия; запредельно высокие и неимоверно значительные уровни деятельности. Они якобы только и подходят для философических углублений и воспарений, в отличие от поверхностного барахтанья мысли в «сплошной лихорадке буден»» [2, с. 22].

Однако именно повседневность содержит в себе большую часть межличностного общения и созерцания природы, передачи знаний и умений, становления интимного родства человеческих душ друг с другом, манипуляции с артефактами, строениями, ландшафтами. Можно говорить о том, что бесконечный круговорот событий повседневности наполняет их неисчерпаемым содержанием, он исключительно богат по субъективной сознаваемости и рефлектируемости.

Отраженная во фразеологии повседневность – дискурс, наполненный культурно-языковыми значениями, описывающими реальность из будничных событий, который воспринимается как нечто привычное и в достаточной мере устойчивое. При этом мы исходим из широкого понимания понятия дискурса как «языкового континиума» («речь» по Ф. де Соссюру), а «дискурс-анализ» трактуется нами, вслед за М.Л. Макаровым, как «интегральная сфера изучения языкового общения с точки зрения его формы, функции и ситуативной, социальной-культурной обусловленности» [3, с. 99].

Повседневность противопоставляется редкому, существенному, идеальному, теоретическому, метафизическому. В современной теории познания повседневность рассматривается не просто как предмет исследования, поле приложения эпистемологической техники, а как основание познания.

Структуры повседневности нередко считаются самоочевидными и не привлекающими особого внимания в силу своего постоянства. Однако именно повседневность лежит в основе базовых фундаментальных структур демографического, этнического, национального и культурного порядков. Изучение повседневности позволяет вскрыть основополагающие принципы функционирования этноса, нации, культуры, цивилизации.

Наша статья посвящена анализу повседневности на материале английских фразеологических единиц (ФЕ) с компонентами «земля», «суша», «небо». Отметим, что ФЕ данной подгруппы довольно многочисленны – 21. Анализируемые ФЕ представляют собой разновидность древней пространственной метафоры, в которой описана важнейшая зона человеческого бытия – зона проживания и хозяйственной деятельности.

Земля представлена в анализируемых ФЕ как природный первичный локус повседневности, призванный обеспечить местом для жизни и пропитанием. *Mother earth* – мать сыра-земля. *Bad Lands* – *амер.* бесплодные земли на западе США (юго-запад штата Южная Дакота и северо-запад штата Небраска). *To go to earth* – укрыться, скрыться, спрятаться [юркнуть в нору (о лисе)]. *To run to earth* – (smb.) выследить, разыскать, обнаружить кого-л. / что-л.

Эвфемистически в рамках фразеологии носители английской лингвокультуры признают землю точкой отсчета бытия человека в сакральном смысле. Жизнь на земле – жизнь земная, под землей – загробная. *Above ground* – живой, (находящийся) в живых, существующий. *Below ground* – умерший, скончавшийся; в земле, в могиле.

Земля нередко связана с духовной сферой человека, при этом она отрицательно маркирована, так как положительное значение имеет движение вверх, к небу. *To bring smb. back to earth (bring smb. back (или down) to earth)* – заставить кого-л. спуститься с небес на землю. *To be dashed to the ground* – разбиться, рухнуть (о надеждах). *To be back to earth (be back (или down) to earth)* – стоять на реальной почве. *Heaven on earth (heaven (или paradise) on earth)* рай земной [выражения впервые встречаются в книге Дж. Мильтона «Потерянный рай» (‘Paradise Lost’): Beneath him, with new wonder, now he views... A Heaven on Earth; for blissful Paradise of God the garden was]; a hell on earth (a hell on (или upon) earth) сущий ад, ад кромешный [выражение образовано по контрасту с Heaven или paradise on earth. *Of the earth (of the earth(,) earthy) – библ.* земной, приземленный. Неизвестная земля манит своими сказочными возможностями. *Cloud cuckoo land* – сказочная страна, мир грез.

Нередко земля является показателем успеха / неудачи. *To cut the ground from under smb.'s feet / smb.* – выбить почву у кого-л. из-под ног. *Down to the ground* – во всех отношениях, вполне, совершенно. *To gain ground, gather ground, get ground* – продвигаться вперед, делать успехи. *To give ground, lose ground, yield ground* – отступать; уступать. *To hold one's ground, stand one's ground* – проявлять твердость; стоять на своем.

Земля – основа коммуникации, суть разговора. *To touch the ground* 1) коснуться дна; 2) дойти до сути дела, до фактов. *To break fresh ground* – найти новый путь; сказать новое слово; начать новое дело; быть новатором, пионером; начать новую страницу. ФЕ с компонентом «земля» нередко выполняют контактоустанавливающую функцию, являясь своеобразными речевыми клише. *For the land's sake! (for the land's sake! (land sakes!; land's sake!, my land(s)!)) – амер.* боже мой!; черт возьми!; вот те на!, вот так так! (восклицание, выражающее удивление, досаду и т. п.). *On earth – разг. усил.* Просто, же, только, наконец, все-таки, еще (употребляется после местоимений how, why, where, who, etc).

В речи анализируемые ФЕ выступают в качестве гиперболы, выполняя тем самым иллюстративную функцию в процессе коммуникации. *To cost the earth* – стоить уйму денег. *To make a mountain out of a molehill* – преувеличивать, делать из мухи слона. *The mountain has brought forth a mouse* – гора родила мышь [эзоповское выражение; впервые употреблено Горацием, высмеивающим плохих стихотворцев в Ars Poetica: parturiunt montes, nascetur ridiculus mus рожают горы, родится смешной мышонок].

Можно сделать вывод о том, что в английских ФЕ земля наделена следующими прагматическими ролями:

1. Земля – кормилица. При этом человек – домохозяин, земля помогает кормить семью. Семья как микросоциум и земля как замкнутое пространство, основание мира.

2. Земля – маркер важнейшей информации в коммуникации. Человек в данном случае либо коди-

рует, либо декодирует информацию. Земля выполняет функцию выдвижения.

3. Земля – сакральное пространство, точка отсчета бытия.

ФЕ с компонентом «небо» нередко используются носителями английской лингвокультуры для обозначения эфемерных планов, нечто маловероятного, неожиданного. *If the skies fall we shall catch larks* – если бы, да кабы... *Out of a clear blue sky* – как гром среди ясного неба; совершенно неожиданно; ни с того ни с сего. *To be in the clouds (be (be up или have one's head) in the clouds)* – витать в облаках; быть не от мира сего. *In the clouds* – неясный, скрытый; странный, фантастический. *To have one's head in the clouds, to be in the clouds* – витать в облаках.

Небо также используется для обозначения локуса повседневности. *Under the open sky* – под открытым небом. При этом небо выступает в качестве предела, символизирующего собой бесконечность. *The sky is the limit* – предела нет.

В процессе коммуникации небо, как и земля, выполняет контактоустанавливающую функцию, служит иллюстрацией в высказываниях. *To laud / extol / praise to the skies* – превозносить до небес. *To be lost in the clouds (be lost (get lost или lose oneself) in the clouds)* – запутаться в аргументации, напустить туману.

Духовная сфера кодирует небо, облака с целью описания эмоционального подъема. При этом небо маркировано двояко. *Every cloud has a / its silver lining.* – Нет худа без добра. *Under a cloud* 1) в плачевном состоянии, в тяжелом положении; 2) в немилости, в опале. *To be on a cloud; (be (или sit) on a cloud/to be on cloud seven) – амер. разг.* быть очень счастливым.

Можно сделать вывод о том, что в английских ФЕ небо наделено следующими прагматическими ролями.

1. Небо – наивысшая точка в развитии человека, при этом достигнуть ее крайне сложно, маловероятно. Небо – локус желаемой повседневности, чрезмерное стремление к которому порицается народным сознанием.

2. Небо – сфера духовной повседневности человека, источник надежды, проявление положительных эмоций.

Анализ ФЕ с компонентами «земля» и «небо» позволяют выстроить основу модели повседневности носителей англоязычной лингвокультуры. Вслед за И.Т. Касавиным и С.П. Щавелевым [2], мы считаем, что повседневность может быть описана набором следующих характеристик:

1. Безусловная необходимость для каждого человека уделять внимание повседневным заботам, их безальтернативность, неизбежность совершения тех или иных действий.

2. Повторяемость, цикличность, ритмичность событийного ряда.

3. Замкнутость типичных пространств (домашних комнат, улицы, рабочих помещений).

4. Консервативность обыденных начал жизни и форм культуры, их устойчивость.

5. Усредненность, принципиальная общедоступность, соразмерность повседневных задач, взаимозаменяемость субъектов (со временем меняется состав семьи, набор обязанностей).

6. Массовидность распространения обыденных феноменов, обезличенность событий и артефактов.

7. Отнесенность к частной жизни.

8. Предсказуемое. Добровольно выбираемое, обиходное, понятное и узнаваемое, нередко совершаемое бессознательно, автоматически.

ФЕ с компонентом «земля» и «небо» описывают предсказуемые, обиходные, усредненные, безальтернативные задачи по заботе о материальной стороне жизни, а также духовные основания бытия. Данные операции носят массовидный характер, при этом сами ФЕ выражают консервативный взгляд обывателя. Очевидно, что при всей возвышенности неба, роль земли в повседневности намного более сложно структурирована, она обеспечивает успешное функционирование нескольких важнейших разделов повседневности: среда обитания, пропитание. Земля маркирует важнейшие участки коммуникации, поскольку обеспечивает успешное функционирование сразу нескольких отделов повседневности (пропитание, проживание, выдвижение информационно значимых участков коммуникации). Носители англоязычной лингвокультуры все-таки отдают ей пальму первенства по сравнению с эфемерным небом, что может служить доказательством распространенной идеи о прагматизме англичан и американцев. Перспективным представляется анализ аналогичных ФЕ из других лингвокультур в сопоставительном аспекте [1]. Думается, что анализ примитивов «земля», «небо» в рамках фразеологии может наглядно проиллюстрировать теорию фразеологического сближения Э.М. Солодухо и доказать общность лингвокреативных механизмов представителей различных этносов.

Литература

1. *Завьялова, Н.А.* Японские фразеологические единицы как составляющая дискурса повседневности / Н.А. Завьялова // Известия Уральского государственного университета. – Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. – Екатеринбург, 2010. – № 4 (81). – С. 31 – 37.

2. *Касавин, И.Т.* Анализ повседневности / И.Т. Касавин, С.П. Щавелев. – М., 2004.

3. *Макаров, М.Л.* Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М., 2003.

4. *Солодухо, Э.М.* Теория фразеологического сближения: На материале языков славянской, германской и романской групп / Н.М. Солодухо. – М., 2008.